



ПЕТИНА ЕЛЕНА

# ПОЛЁВКА



Елена Петина

**Полёвка**

«Издательские решения»

**Петина Е.**

Полёвка / Е. Петина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-900451-2

Книга представляет собой своеобразный, очень эмоциональный крик современному эгоистическому обществу, которое погрязло в лицемерной борьбе с педофилией. Действия происходят в Москве в наши дни. В книге описывается борьба совсем юной тринадцатилетней девочки с миром взрослых, ее отчаяние, страхи, поступки и мысли.

ISBN 978-5-44-900451-2

© Петина Е.  
© Издательские решения

# Содержание

Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	24

# Полёвка

**Елена Петина**

*Посвящается Дангуоле Расалайте*

*Несть ни единой силы в мире сильнее похоти – что у человека, что  
у гада,*

*у зверя, у птицы, пуце же всего у медведя и у лешего!*

**И. А. Бунин «Железная шерсть»**

© Елена Петина, 2017

ISBN 978-5-4490-0451-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Часть I

### Она

В медицине различают два вида смерти: биологическая, по другому еще ее называют истинная и второй вид – клиническая, о ней часто говорят в документальных фильмах. Я же оказалась на грани совершенно иной смерти – психологической, едва мне исполнилось четырнадцать лет. А вся история началась годом ранее, когда мне было всего тринадцать, и неизвестно чем бы она закончилась, если бы не один человек, который, не смотря на предрассудки общества, помог мне выжить и стать тем, кем я являюсь сейчас. Предшествовала всей истории обычная записка, которую я нашла, на письменном столе, вернувшись, домой из школы. Тетрадный пожелтевший листок в линию с красными полями и оборванным краем. Почерк – размашистый, округлый, мамин, точно ее, и не чей больше.

*Аня, прости меня. Я ждала от этой жизни большего, чем дал мне дал твой отец. Не так давно я встретила человека, с которым буду счастлива по-настоящему. Когда ты подрастешь, то сможешь понять меня. Прощай. Не ищи меня.*

Я вышла на улицу. Стояла середина осени, бледное солнце лениво поблескивало в отражениях луж, которые были оставлены вчерашним дождем, в знак напоминания о скоро предстоящем ненастье. Мама работала через дорогу, недалеко от дома, в продуктовом ларьке, державшейся по большей мере за счет выручки от продажи пива и сигарет местным подросткам. Быстрым шагом, глотая прозрачный, холодный октябрьский воздух, и не выпуская записку из рук, я дошла до магазина. Открыв тугую дверь, в надежде застать за кассовым аппаратом свою маму, я увидела Галину Ивановну – ее сменщицу, сухенькую белесую женщину лет сорока пяти. Наверное, мама в подсобке, разбирает товар, такое часто бывало, подумала я в отчаянии и одновременно в надежде. Совладав собой, я спросила Галину Ивановну, можно ли позвать маму, на что она, удивившись и сморщив брови, ответила, что Вера как уже два дня уволилась и со среды она ее не видела. В полном замешательстве я поплелась обратно домой, сунув записку в карман куртки. Смысл написанного в ней, начал до меня доходить, но верить в то, что мама меня бросила и никогда уже больше не вернется, я отказывалась. Так не бывает, думала я. Она обязательно придет, как обычно вечером, когда зажгутся уличные фонари. Нужно просто дождаться конца рабочего дня и обо всем ее расспросить. Однако, ни вечером, ни на следующий день она не вернулась. Прошло уже три года с того самого дня, когда я нашла ее последнюю записку. Осень медленно перетекала в зиму, зима, усердно противилась наступлению весны, весна охотно отдавала свои права лету, а я все не переставала ждать.

Стоит рассказать читателю о том, как мы жили до этого момента. Мы были обычной семьей, ни чем особо не отличавшейся от других. У родителей я была единственным ребенком, родственников у нас не было, не считая тетку по папиной линии, бабушек и дедушек я не видела никогда и ничего про них не знала. Жили мы в комнате, в общежитии, построенном в 60-ых годах и состоящего всего их двух этажей и чердака, которые были населены такими же семьями как мы, либо еще хуже. Внешний вид здания полностью соответствовал контингенту, который там проживал: некрашеные рамы старых окон, с массивными железными решетками; некогда выкрашенный в белый цвет фасад был исписан похабными словами, крыша чердака давно поржавела, отчего у нас в прихожей постоянно на полу стоял таз, на случай если пойдет дождь. Наш дом, находился в обычном, ничем не примечательном спальном районе Москвы. Рядом располагались гаражи, около которых постоянно собирались местные подростки, позади дома находился всеми забытый и неухоженный парк, в котором гуляли собственно те же под-

ростки, кроме них там больше никто и не появлялся, лишь изредка пробегала свора бездомных собак. По другую сторону от гаражей находился давно вырытый и заброшенный котлован, обнесенный забором из профлиста, который при каждом порыве ветра издавал, леденящий душу скрип.

Мы жили на втором этаже, кухня, туалет и ванная комната были общими на весь коридор. Каждый этаж был разделен на восемь одинаковых комнатушек. Коридор был завален мусором, нельзя было сделать шаг и не на что не наступить, повсюду валялись окурки, бумажки, не редкостью были и человеческие экскременты, все было заплевано, воняло мочой и пивом. В ванной комнате из четырех смесителей работали только два, горячая вода была редкостью, на уцелевшем кафеле размножалась плесень, в саму ванну было опасно вставать, чтобы помыться, можно было запросто подхватить грибок, или еще что-нибудь похуже, поэтому мылись в тазике с ковшиком. В туалете от зловоний резало глаза, к тому же он был постоянно занят. В общезжитии целый день, да и ночью тоже была слышна ругань, ссоры, стоял мат, случались и драки.

Отец работал слесарем в ЖКУ, работал давно, наверное, с моего рождения, а может и еще раньше, мне казалось, что его роба и тяжелые кирзовые сапоги сопровождали его с самого начала жизни и были неотъемлемой его частью. Он нередко приходил домой выпивший, иногда его возвращения заканчивались скандалом, а иногда отец мирно валился на диван, который стоял в прихожей и засыпал, даже, не снявши грязную обувь. Мама как вы уже знаете, работала в местном ларьке продавцом. Ей не было и тридцати пяти лет, крашенная блондинка с желтоватым оттенком длинных волос, всегда ярко красилась и одевалась. У нее было много дешевой косметики, к которой она запрещала мне подходить, казалось без всяких этих кремов, теней и помад, она не могла представить своего существования в этом мире, это был, чуть ли не весь смысл ее жизни. На улице на нее всегда обращали внимание мужчины, она была привлекательной, даже немного вызывающей. Говорила она резко, как будто рубила слова, резко и живо.

Я же была полной ее противоположностью. Обыкновенной мышью, не имеющей собственного мнения, да и кому оно нужно было мое мнение, меня никогда никто ни о чем не спрашивал. Мама всегда все решала за всех, если отец был не доволен, принятым решением, то разгорался скандал, в котором последнее слово всегда оставалось за ней. Случались и драки. Когда рукоприкладство между ними двоими было неизбежно, я пряталась под кроватью, дыша пылью и дрожа от страха, переживала очередное семейное бедствие. Меня отец никогда не трогал, казалось он и вовсе не замечает моего существования. Я любила молчать больше, чем разговаривать, молчать и слушать, так было лучше и безопаснее. Если ты ничего не сказал, то опровергать тебя никто не станет, не будут и смеяться. Когда я что-то предлагала маме, делилась своими наблюдениями или идеями, реакция ее всегда была примерно одинаковой – она говорила «прям» или «фи», искажая при этом лицо. Подрастая, я все реже и реже делилась с ней своими мыслями, боялась ей рассказать о том, что чувствую внутри, что беспокоит меня, какие страхи преследуют меня, не решалась говорить и об отношениях с одноклассниками. Иногда она и вовсе игнорировала мои вопросы, делала вид, как будто не слышит, что задаю их ей. Поэтому я и была молчаливой обыкновенной мышью, застенчивым, неуверенным в себе ребенком. Вдобавок ко всему у меня были серые глаза, не голубые, не синие, а именно серые, как шерстка у мышки полёвки. Цвет своих волос я тоже не могла никак определить и не белокурые и не русые. По характеру телосложения я была меньше всех своих сверстниц. В отличие от них в свои тринадцать лет я не могла, как они похвастаться грудью. Глядя на них можно было изучать анатомический процесс взросления и перехода от девочки к девушке. Что нельзя было сказать обо мне. Мне казалось, что я была не складной и по-мальчишечьи худощавой: руки весели как плети, которым я никогда не находила места, шея была слишком длинной, ключицы некрасиво выпирали, все было не так во мне. Даже имя, иногда мне в голову приходила мысль, что мама вовсе и не подбирала его для меня, а назвал просто и коротко – Аня, всего три буквы. Одевалась я тоже как мышь, раз в пару месяцев мама брала меня с собой

в ближайший секунд-хенд, и из огромного вороха одежды мы выдергивали с ней, что подешевле. Как и с косметикой, я не понимала истинного предназначение одежды, мне казалось, что она должна лишь прикрывать ногату тела и согревать, не о какой красоте, которую могла придать одежда человеку, и мысли не было.

Училась я хорошо, но не была отличницей, по причине того что никогда не дарила учителям конфеты и шоколадки, деньги им на подарки сдавала в самый последний момент, от добровольно-принудительных посещений всем классом театров, цирков и прочих представлений мне приходилось отказываться, раздражая тем самым классного руководителя. Также я не пользовалась услугами репетиторов, которые были, чуть ли не обязательны для всех без исключения. Не могу сказать, что мне нравилось учиться, и было большое желание узнавать что-то новое, нет, просто нечем было заняться после уроков. Гулять по улицам нашего района было как минимум опасно для жизни, да и делать там было особо нечего, иногда по вечерам мы с мамой садились перед телевизором и молча, смотрели сериалы, а после расходились по своим кроватям. Поэтому после школы, мне ничего не оставалось, как скрупулезно зубрить учебники, не упуская из виду ни одну мелочь, мне нравилось решать наперед, еще не по пройденным темам задачи и уравнения, я видела в них какую-то особую, понятную только мне красоту. Когда я получала правильный ответ, то чувствовала удовлетворение, чем сложнее было упражнение, тем удовольствие было выше. Сочинения по литературе я писала не менее дотошно, чем решала математические задачи, прежде чем переписать все в чистовик, я подолгу думала над каждой своей мыслью, тщательно обсасывала, словно карамельку каждое слово в нем. Ведь сочинения и эссе были для меня единственным способом поделиться своими мыслями и наблюдениями.

Книг в доме не было, но их отсутствие полностью компенсировалось школьной библиотекой, современных писателей там не было и в помине, как не было и фантастики и ужасиков, столь любимые подростками. Зато здесь находились добротные тяжелые тома Тургенева, Пушкина, Куприна, Чехова и прочих классиков русской литературы, читая их, мне казалось, что я приоткрываю ширму чего-то запретного, взрослого и неизведанного, что глубина, описанных ими чувств, которые переживают герои чересчур сильна и крайне неправдоподобна, что в реальной жизни такого не бывает, что все это, конечно же, выдумки. Особенно тревожно становилось после прочтения «Темных аллея» Бунина. Этот небольшой томик мне удалось тайно утащить из библиотеки, в нем было много запретного, шокирующего, каждый рассказ вызывал массу вопросов, на которые я искала, но так и не могла найти ответа, неужели все так беспросветно в этой жизни? Что в ней нет места настоящей любви? И что есть любовь вообще? Всегда ли любовь трагична? Описанные внутри и других книг истории были сложны для моего детского понимания, у меня возникало множество вопросов, которые никому я не осмеливалась задать. Книги заканчивались быстро, часто бегать в библиотеку мне было стыдно, вдруг кто из одноклассников увидят, что беру книгу не по школьной программе, засмеют. Поэтому один и тот же томик я перечитывала по несколько раз, и неважно нравилось мне содержание или нет. В своих фантазиях я продолжала короткие рассказы «Темных аллея», дорисовывала словесные портреты героев, конечно же, исключая слишком уже откровенные рассказы в сборнике. Я хранила его под матрасом, он был моей маленькой тайной.

Друзей и подруг у меня не было. Мальчишек в нашем классе и да вообще я сторонилась, побаивалась, они вызвали во мне испуг, резкими и грубыми движениями, также мне не нравилось в них настойчивость и излишняя самоуверенность, они всегда держались вместе, как стая брошенных волчат, что делало их еще сильнее. Что касается девочек нашего класса, то их можно было разделить на несколько групп: первая группа – это четыре девочки, которые дружили между собой и никогда никого не брали в свою компанию. Они были из обеспеченных, благополучных семей, каждый день на большой перемене, садясь на подоконнике в холле, доставали из своих рюкзаков по целлофановому пакету с различными сладостями, и осталь-

ным ребятам, включая меня, приходилось только догадываться какие конфеты и шоколадные батончики там находились. Во вторую группы входили три девочки, они состояли на учете в детской комнате полиции, ходили слухи, будто они нюхают клей с парнями из девятого класса и уже целовались по-взрослому в губы. Проходя мимо этой компании, я всегда опускала глаза и прижимала руки ближе к телу, стараясь, стать как можно не заметнее. Они не боялись никого, даже социального педагога. Была в нашем классе и отличница – это третья группа. Отличница дружила с троечницей, не оттого что хотела ей искренне помочь и подтянуть ее по всем школьным предметам, а из-за того что была страшной и носила массивные железные брекеты на зубах. В свою очередь троечница была еще уродливее своей подруги, и на фоне троечницы отличница внешне выглядела не такой ужасной, как была на самом деле.

Отец не принимал в моем воспитании никакого участия, собственно как и мать, он что был, что его не было. Он часто выпивал, а вскоре после ухода мамы и вовсе спился. Мама хоть как то контролировала этот процесс: в день получения зарплаты стояла вместе с ним в очереди в бухгалтерии, чтобы мой отец не пропил получку по дороге домой, не обходилось и без драк и криков, моральные нравоучения и слезы тоже были. С тех пор как ушла мама у него появилась полная свобода для собственных действий, казалось, он даже не задавался вопросом, куда она пропала, как будто, так и должно быть, нет ее и все. С того самого дня как покинула нас мама, он проработал слесарем еще чуть более полугода, затем его выгнали, и он начал со своими бывшими коллегами таскать старые трубы и сдавать их в металл, когда трубы закончились, в ход пошло наше имущество, сперва был сдан в ломбард наш старенький телевизор, затем пропал утюг, электрический чайник и даже мясорубка.

Кастрюля с супом, которую перед своим уходом «заботливо» сварила мама, закончилась быстро, уже на следующий день. Мысли о том, когда вернется мама стали плавно перетекать в мысли о еде, о том, что я буду, есть завтра и послезавтра, через неделю. Становилось страшно, желудок жалобно урчал. На третий день, после школы, я решила навести ревизию в серванте и холодильнике, и были найдены следующие продукты:

*мука (почти полная пачка)*  
*картофель (6 шт.)*  
*макаронны (целая пачка) немного гороха*  
*поваренная соль (две упаковки)*  
*гречка (половина пакета)*  
*половинка репчатого лука*  
*манная крупа (1/3 упаковки)*  
*вишневое варенье (0,5 л)*  
*соленые огурцы (3 л)*  
*печень куриная (один лоток)*  
*сахар-рафинад (8 кубиков)*  
*какой-то мосол*  
*морковь (1 шт.)*  
*яйца (6 шт.)*  
*пищевая сода (почти полная пачка)*  
*подсолнечное масло (1/3 бутылки)*

Этих продуктов, приготовленных кое-как, мне хватило на неделю. В первый день своей самостоятельной жизни без мамы, на обед я решила приготовить печенку с картошкой, на гарь и вонь прибежали соседи, испугавшись, что начался пожар. Виной всему была картошка, она оставалась сырой внутри, в то время как печь уже вся почернела и начала гореть. На обед и ужин я получила горькую жесткую печенку и сырой в пригаринах картофель. На следующий

день я сварила макароны, но боясь, что они будут сырыми, как произошло это вчера с картошкой, варила их около получаса, отчего у меня они развалились до такой степени, что бы похожи на комок теста. В среду решила сварить суп из того самого масла и небольшого количества гороха, добавив туда оставшийся картофель и морковь. В четверг я отварила гречку и ела ее вприкуску с солеными огурцами. Манку пришлось выкинуть, в ней завелись какие-то мелкие мошки. На завтрак мне везло больше, всю неделю я варила по одному яйцу, и выпивала по стакану чая с одним кусочком сахара. В воскресенье на завтрак, обед и ужин я доедала банку соленых огурцов. В понедельник шкаф, где раньше стояли продукты, опустел окончательно. Дальше началось самое жуткое во всей этой истории. Просидев еще один день на воде и варенье, умоляя банку с ним не заканчиваться, я пошла, собирать бутылки, в надежде купить себе хоть какой-нибудь еды. Мне казалось, что желудок действительно прилип к позвоночнику, очень хотелось, есть, в классе эти девчонки все больше и больше раздражали меня, недоступными для меня сладостями, в своих рюкзаках. В бывшей котельной не далеко от дома располагался пункт приема стеклотары, расценки в нем были следующие:

*Бутылки из-под шампанского 70 коп.*

*Бутылки из-под пива 90 коп.*

*Жестяные банки 20 коп.*

Самая дешевая пачка лапши быстрого приготовления стоила восемь рублей, если учесть, что я полноценно не ела уже вторую неделю, то за раз могла умять две упаковки лапши, еще мне нужно подумать про завтрашний день, как минимум должно быть три приема пищи: завтрак, обед и ужин, на каждый прием пищи по одной пачке. Итого мне нужно собрать бутылок на пять упаковок лапши. Произведя, не хитрые математические расчеты, у меня получилось следующее:

*8 руб. \* 5 уп. = 40 руб.*

Таким образом, мне нужно было найти 45 бутылок из-под пива или 58 бутылок из-под шампанского, на жестяные банки надеяться не стоило, за них давали слишком мало. Итог был не утешительным. Пора собираться и идти на свой первый промысел, пока не стемнело. В эту пору, в октябре в шесть часов вечера на улице уже было темно словно ночью. Нужно было потопрапливаться. Мой курс лежал на обветшавший парк, который находился позади дома. Он был заброшен, не ухожен, пруд был похож на черное громадное зеркало, таящее в себе что-то ужасное. Когда-то здесь располагался кинотеатр «Железнодорожник», теперь он стоял заколоченный, желтого цвета штукатурка потрескалась и в некоторых местах начала осыпаться, стекла окон были выбиты. Мусора здесь было предостаточно: пакеты, окурки, шелуха от семечек, использованные шприцы, только вот бутылки попадались не с такой завидной периодичностью как все вышеперечисленное. Промесив грязь около полутора часов, успев замерзнуть и промочить ноги, я решила посчитать свой сегодняшний заработок, тем более пакет стал неподъемным, что не могло меня не радовать:

*2 бутылки из-под шампанского*

*9 бутылок из-под пива*

*7 жестяных банок*

Еле волоча пакет, перевешивая его с то с одной руки то на другую руку, я наконец-то добралась до пункта приема стеклотары. Мне выдали 10 руб. 90 коп. За полтора часа, замерзнув как цуцик, полученных мною денег хватало на одну самую простую пачку лапши. Придя

домой, и налив в тарелку кипятка, закрыв ее другой тарелкой, нетерпеливо стала ждать, когда лапша набухнет и возьмет в себя как можно больше жидкости. Тарелка была опустошена в миг, но наесться мне так, и не удалось, запах раздражил аппетит еще больше, свернувшись калачиком, и отвернувшись к стенке, я заснула, унимая озноб. Сил думать о чем-либо уже не оставалось.

Так прошла еще неделя, наступил ноябрь, изредка шел мелкий, противный снег, чем-то напоминавший крупу. Я от рождения была худощавой, а теперь, после ухода мамы, когда есть, стало нечего, похудела еще больше, вся одежда болталась на мне словно на вешалке, приходилось подворачивать несколько раз пояс юбки или брюк, чтобы хоть как-нибудь это скрыть. Помимо ключиц, стали выпирать еще и ребра. Кожа стала тонкой до такой степени, что под ней были отчетливо видны голубые вены. После школы, я уже не садилась за очередное произведение русского классика и не рассматривала атлас по географии, а плелась в забытый богом парк. Понимая, что одной пачкой лапши в день не прокормится, нашла дома старые отцовские перчатки, и начала перетряхивать в них не только кусты, но и урны с мусором, таким образом, к закрытию стеклопункта я успевала два раза принести туда по полному пакету бутылок. Мой доход стал доходить в лучшем случае до 25 рублей, этих денег мне хватало как раз на три пачки лапши: на завтрак, обед и ужин. К проблеме питания, прибавилась еще одна, у меня заканчивалась зубная паста, мыло и туалетная бумага. Если последнюю можно было заменить старой газетой, то с двумя первыми средствами гигиены было сложнее, на выручку пришла, укромно затаившаяся пачка пищевой соды, смешав ее с солью, у меня получилось неплохое абразивное средство, которое заменило мне зубную пасту и стиральный порошок. Вместо шампуня я теперь пользовалась хозяйственным мылом, предварительно нарезав его стружкой и разведя в теплой воде.

Вы, наверное, спросите, чем же занимался все это время мой отец, ведь прошел уже месяц, с тех пор как ушла мама. О ней он, казалось, и не вспоминал, как было на самом деле, я никогда не узнаю, когда он возвращался пьяный поздно ночью домой, я уже спала, забывшись сном. Утром, уходя в школу, он спал. Чем жил этот человек, какие мысли его посещали, что он ел и на что покупал водку, мне было не понятно. Он ни о чем меня не спрашивал, лишь изредка посреди ночи на своем диване в прихожей что-то бубнил и храпел.

В школе тоже до меня никому не было дела, казалось, никто из учителей не видит изменений, которые произошли во мне. С четверок и пятерок я скатилась до троек, тройка была и по физкультуре, мышцы ног и рук ныли от каждодневных двухчасовых прогулок промозглыми вечерами и лазаний по колючим кустам. Мне не хватало сил и от того что я недоедала, организм рос, а питать его было не чем. У меня уже не было времени на домашнее задание, каждое утро моей главной задачей было «переместить» свое тело до школы и обратно, собрать бутылки и опять лечь наконец-то спать. Сон стал моим спасением, падая в объятия морфея, я забывала про свой вечно ноющий желудок, забывала и про парк, который казалось своей темнотой, каждый раз хотел поглотить меня, и отдать на растерзание тому ужасному, что жило в черном пруду.

На вторую неделю меня стало «выворачивать» от лапши, тошнить от одного только химического запаха добавок, я ненавидела ее, давилась ею. Я ненавидела и бутылки и этот вонючий пункт приема стеклотары, ненавидела и отца за то, что был безразличен ко мне, я стала ненавидеть и мать за то, что бросила, ушла так просто. Не простившись, не посмотрев мне в глаза, ничего не объяснив, ушла, оставив лишь жалкий клочок бумаги. Мне хотелось сладкого до такой степени, что за самую пресловутую конфету готова была отдать свою никчемную жизнь, только кому она была нужна, моя жизнь. Однажды, как обычно собирая бутылки в парке, на лавочке обнаружила банку из-под газировки, с какой же жадностью я допила остатки из нее, в тот момент мне было все равно, чьи губы до меня касались горлышка. Затем я начала рыться в урнах, не только с целью найти бутылку из-под пива или шампанского,

но и чтобы отыскать что-то съестное. Иногда мне крупно везло: попадался пакет с недоеденными чипсами или сухариками, тогда я высыпала в рот все до последней крошки, как-то раз на лавочке, я обнаружила оставленным кем-то надкусанный хот-дог, и проглотили его с волчьей жадностью.

Мой промысел огорчал меня не только недостаточным количеством бутылок, но и подростками, которые обитали в этом парке, часто приходилось прятаться от них в тени деревьев, обходить их группы длинными крюками. Они собирались большими компаниями, курили, пили пиво, громко смеялись и матерились. Я их очень боялась. Но нужно было остерегаться не только их, но взрослых на вид кажущихся приличными, добродушными людьми. Именно таким казался работник стеклопункта, в который я каждый день без исключения приносила очередную партию бутылок. Он, всегда молча, брал их у меня, и также молча, ничего не говоря, отсчитывал мелочь и ссыпал ее мне в ладонь. На вид ему было около сорока пяти лет. Одет был чересчур уж опрятно для такой работы. Из расстегнутой куртки постоянно выглядывал выглаженный воротничок рубашки. Поверх рукавов куртки у него всегда были надеты нарукавники, а перчатки аккуратно заправлены под манжеты. Был он невысокого роста, болезненно-тощий, с крупными залысинами по обеим сторонам головы и жидкими усиками над верхней губой. Но в один из дней, видя мое уставшее, изможденное лицо, предложил угостить меня пирогом из свежих яблок. Мол, его домочадцы недоели, и теперь он начинает подсыхать, жаль добро выбрасывать, услышав это предложения, мои глаза оживились, я тот час согласилась забрать невиданную роскошь. Я была согласна даже на черствый и плесневелый пирог с яблоками, даже не важно, что он был с яблоками. Нужно было лишь дожидаться окончания работы пункта и дойти с ним до его дома. Я оживилась еще больше и немного повеселела, ведь в кармане у меня лежали 24 рублей, от сданных бутылок и сейчас мне еще дадут пирог. По пути у нас завязался разговор, он расспрашивал меня о моей жизни, о том, как так получилось, что мама меня бросила, и нет ли у меня кого-нибудь, кто может мне помочь. За этим разговором мы быстро дошли до панельного дома, зашли в подъезд, поднялись на этаж, он пригласил меня пройти в квартиру, я сказала, что подожду здесь на площадке, мне было неудобно перед его домочадцами. Но он настоял на том, что будет лучше, если я подожду внутри, ведь нужно время чтобы завернуть пирог во что-нибудь, да и передавать что-либо через порог – плохая примета. Отказать этому доброму человеку было неудобно. Зайдя в квартиру, мы оказались в темном коридоре, он включил свет и закрыл дверь на щеколду, тускло замерцала лампочка на потолке, к моему удивлению дома никого не оказалось, кроме нас двоих. Где же вся его семья? Подумала я и почувствовала неладное. Обстановка была не лучше, чем в моем доме. На потолке не было люстры. Комната, которая была видна из прихожей, казалась пустой: голые стены, диван без покрывала, табуретка и стол посередине комнаты, не заполненный ничем сервант, никаких картин и безделушек. Маленький телевизор стоял в углу, прямо на полу. За место штор окна были обклеены газетами. Он снял свои тяжелые ботинки и куртку, я заметила, что он нервничает, руки его тряслись когда, медленно согнувшись, будто что-то обдумывает, ставил свою обувь на полку. Выпрямившись, он встал напротив меня, очень рядом, и стал смотреть в упор на меня. Я была как под гипнозом, в ступоре от ожидаемого ужаса, на что я только повелась... на пирог. Какие могут быть яблоки в ноябре? Мама, где же ты? Где? За что ты так поступила? Зачем? Разве я была плохой дочерью? Разве требовала от тебя слишком многое? Мама?! Как ты мне сейчас нужна!

Он действовал на меня как удав на кролика, я слушалась его и покорно ему поддавалась, сняв с меня куртку, повел меня в комнату, посадил за стол, а сам сел напротив, положил руки ладонями вниз на поверхность стола, не переставая смотреть на меня. Страх сковал меня целиком: от головы до ног. После нескольких длительных секунд он настойчиво произнес:

– Положи руку на мою.

Я подчинилась. Его лицо стало неестественно красным, на лбу выступили мелкие капли пота. Он сжал зубы до такой степени, что стали видны жилы на его лице. Вдруг одним рывком он схватил мою руку и стал ее со всей силой сдавливать и тянуть меня через весь стол к себе. Я закричала от жуткой боли в кисти, казалось, что он размозжит мне кости в руке, кожа на ней туго натянулось и вот-вот порвется как тонкий пергамент. Я начала выворачивать свою руку, но он держал ее все той же мертвой хваткой, недолго думая, я укусила его за большой палец, от неожиданности он отскочил и бешеными от испуга глазами уставился на медленно растекающуюся кровь на своей руке. Освободившись от его хватки, я бросилась к двери, пальцы казалось, целую вечность, теребили засов, пока, наконец, дверь не отворилась, не понимая до конца, что мне удалось спастись, я сбежала по лестничным ступенькам вниз, чудом не подвернув ноги, которые по-прежнему не слушались меня. Вот, наконец, я на улице, помчалась во весь опор, бежала пока не начала задыхаться. Сердце бешено колотилось, в груди все сдавило, ноги онемели, слезы застилали глаза, глубокими вдохами я ловила прозрачный уличный воздух словно рыба, которую вытащили на поверхность. Прохожие оборачивались и недоуменно смотрели мне в след. Из груди вырвался первый всхлип, когда я вспомнила, что куртка осталась у него, а в ней и заработанные сегодня деньги. Одно было понятно, завтрашний день я проведу без еды. Жутко замерзнув, вся в слезах, ненавидя весь этот мир, я дошла до дома. В горьком отчаянии и не отпуская меня испуге, я обессилена уснула, не раздеваясь. На следующий день возникла еще одна проблема: куда сегодня и в последующие дни понесу очередную партию бутылок, ведь он придет на работу, как ни в чем не бывало. Ведь эти деньги были для меня единственным заработком, моей последней надеждой. Неужели мне придется попрошайничать, в безнадежности думала я. С курткой было проще расстаться, чем с деньгами, у меня была еще одна – более легкая, ее я носила весной и осенью до наступления морозов, похожу в ней и зимой, ничего страшного.

В школе, еле дождавшись окончания большой перемены, когда все разойдутся, я напрямик направилась в столовую. Нестерпимо хотелось есть, во рту не было ни крошки со вчерашнего утра. В конце большой залы стояло несколько сгруппированных столов, куда относили грязную посуду с недоеденным. Сегодня был рис с подливой, взяв первую попавшуюся тарелку, я начала счищать туда еду с остальных тарелок, пока не получилась внушительная горка. В столовой уже почти никого не оставалось, да и мне было наплевать на присутствующих, мой голод был выше чувства собственного достоинства. Позже учителя начали замечать мои странные обеды, но ничего не говорили и спрашивали у меня, лишь иногда между собой тихо перешептывались, глядя в мою сторону. Стали реже вызывать меня к доске, как бы в благодарность за то, что я не посвящаю их в свои проблемы, и ничего у них не прошу. В отличие от педагогов одноклассники открыто и с большим удовольствием издевались надо мной, кидали в меня пустыми бутылками из-под газировки, тряпками, которыми стирали с доски, плевали тщательно пережеванными бумажками, и обзывались погаными словами и выражениями.

Деревья с очередным днем все больше оголяли ветви, сбрасывая листву, небо серело, наливаясь тяжелым свинцом. Мягкая после частых дождей земля, была устлана словно одеялом охровыми листьями. Воздух стоял прозрачный, влажный, пахнувший прелой скользкой травой и мокрой землей.

Так прошло еще два месяца моей жизни, благодаря школьной столовой я питалась полноценно, хоть и один раз в день. По субботам я накладывала в пакет надкусанные куски хлеба и булок на воскресенье. Наступил декабрь, близилось время новогодних праздников, нужно было что-то думать, как добывать себе пропитание на время каникул, которые длились почти две недели. Нужно было заработать денег, но только как? Возвращаясь из школы, я решила по дороге домой, читать объявления, которые были наклеены на столбах и автобусных остано-

ках. Шанс найти себе работу в 13 лет был ничтожно мал, но вдруг мне повезет. Требовались официанты, продавцы, курьеры, таксисты. Для меня ничего подходящего не было.

Прохожие торопливо шли, неся в руках большие пакеты с продуктами для новогоднего стола. Из них торчали верхушки ананасов и бутылки шампанского, повсюду продавали елки, витрины магазинов были украшены мишурой и гирляндами, Москва и вся страна готовилась к приближению Нового года, кроме меня одной. Я не жалела себя, не делала себе никаких побрякушек, скорее наоборот чувствовала себя виноватой за то что мама ушла от нас. Ведь меня нужно было одевать, кормить, платить за школу, все это требовала немалых денег, а зарплата была небольшой, маме хотелось как можно больше купить себе, позволить себе большее, чем она могла. Она ушла из-за меня, а не из-за отца. Мама часто говорила, что я ее раздражаю своим угрюмым видом, что я виду себя очень скрытно и подозрительно тихо, ей это не нравилось. Каждый раз, когда она мне что-то покупала, будь это одежда или канцелярские принадлежности для школы, я чувствовала внутри себя вину. Ведь она могла потратить эти деньги на себя. Я никогда у нее ничего не просила, не требовала, порвались колготки, ну и ладно, зашью их в десятый раз, школьный пиджак стал мал и тесен, ну и что похожу в нем еще немного.

Бредя, по вновь выпавшему декабрьскому снегу, я увидела девушку в ярком жилете с кипой пестрых листовок в руках, на вид ей было не больше пятнадцати лет. Пряча нос в длинный объемный шарф, она неохотно протягивала озябшими руками, прохожим рекламные буклеты. Собравшись с мыслями, и сформулировав в голове то, что хочу у нее спросить, я решила подойти и разузнать, нет ли случайно такой же работы для меня. К моей радости она подсказала мне адрес агентства, которое набирает промоуторов. Офис располагался достаточно далеко от моего дома, пешком минут сорок не меньше, денег на проезд у меня не было, ничего не оставалось, как идти пешком. Там мне сообщили, что платить за раздачу листовок будут по тарифу восемьдесят рублей за час, всего в сутки работать нужно было четыре часа, и можно выбрать точку, которая располагается ближе к моему дому.

Это и стало моей первой работой, по сравнению с деньгами, которые я получала, собирая бутылки, сумма в триста двадцать рублей казалась мне огромной, приходила я за деньгами в агентство на следующий день перед началом смены, вместе с деньгами, они выдавали мне и очередную партию листовок. В работе не было ничего сложного, нужно было стоять на определенном участке и раздавать флаеры, с большим энтузиазмом я взялась за дело. Но редко кто из прохожих брал бумажки, все чаще проходили мимо, не замечая меня, но это было не столь важно, ведь платили мне за время, а не за количество розданных листовок. Самое мерзкое в этой работе была погода. Морозы в январе и феврале достигали отметки ниже 20 градусов, работала я каждый день, включая субботу и воскресенье, жутко промерзая до костей. Ледяной ветер обжигал щеки, сбивал с ног, залезал в самое нутро. Мороз покусывал ноздри, заставлял переминаться с ноги на ногу. Агентство, в котором я работала, неоднократно предлагали мне перебраться в торговый центр, чтобы раздавать листовки там. Но, к сожалению, рядом с моим домом не было ни одного крупного магазина. До ближайшего нужно было ехать на автобусе, пешком идти было очень далеко. Стоимость проезда на маршрутке равнялась 55 рублям, туда и обратно выходило уже 110 рублей. Мне не хотелось одну треть от заработанных денег тратить на проезд. Поэтому приходилось мириться с холодом.

Так же мне не нравилось и то, что некоторые прохожие смотрели на меня, будто я делаю что-то плохое. Проходящие мимо бабушки ворчали: «Яичники себе отморозишь, детей потом иметь не сможешь», или «Была печаль на морозе стоять, шла бы лучше домой, матери по хозяйству помогала». «Небось, себе на цапки деньги зарабатывает». Некоторые из мужчин смотрели на меня сальными глазенками, после того негодяя из стеклопункта я уже знала что у них на уме, были и такие которые говорили «Пойдем я тебя отопгрею», или «Не хочешь со мной? Я больше заплачу». На их грубость ничего им не отвечала, лишь уводила глаза в сторону.

Но я уже не собирала объедки в школьной столовой, а готовила, как умела себе полноценные обеды дома, с каждым разом они получались все лучше и вкуснее. Была и гречка с курицей, и картофельные супы, и котлеты, и яичница, и молочные каши на завтрак, а самое главное – я покупала конфеты, правда самые дешевые – всякие карамельки: лимонные, клубничные, мятные. Обзавелась я и настоящей зубной пастой, смесь соды и соли разъедала десна, и они кровоточили, да и на вкус она была отвратной. Требовались и тетрадки и ручки для школы. Нужно было платить в школе за охрану, за уборщицу, сдавать деньги в фонд школы и прочее. Приходилось покупать себе и вещи: трусы, носки и колготы – это все на что мне хватало денег. С более значительными вещами гардероба дела обстояли хуже. У меня не было зимней куртке, как вы помните мне пришлось ее оставить у того негодяя. Проблема была и в том, что я росла, тянулась в рост, брюки стали коротки, водолазки и блузки, купленные еще мамой в секонд-хенде, потеряли всякий свой вид и были похожи на ветошь, так еще становились малы, короткие рукава уже было не спрятать. Мне во чтобы бы то не стало, нужна была «новая» одежда. Требовалась и обувь. Выход мне подсказала, видя мое бедственное положение, наша соседка. В управление социального обеспечения нашего района, располагался кабинет, в котором принимали от населения помощь в натуральной форме, в том числе и одежду. Я была уверена, что нужна чуть ли не тысяча справок, чтобы иметь возможность взять что-нибудь из этой заветной комнаты. Придя туда, я увидела грузную женщину в очках, сидевшую за столом с газетой в руках. По периметру всей комнаты были расставлены столы с коробками, в которых находились вещи. Каждая коробка была подписана, «груднички», «детская одежда 1 – 3 года», «подростковая одежда 7 – 14 лет» и так далее, или просто «шапки», «носки». Под столами рядами стояла обувь. Был и стеллаж с продовольствием: в основном консервы и крупы. Поздоровавшись, я спросила, нет ли случайно зимней куртки моего размера. Подняв, устало глаза, она указала карандашом на коробки и попросила быть аккуратнее, не раскидывать вещи, затем повернулась и показала на ширму, за которой можно было примерить обновки. Я принялась искать что-то подходящее для себя, куртки к великому моему сожалению не оказалось. Зато я нашла довольно не плохой джемпер, две штуки белых, но местами пожелтевших блуз и брюки. Неплохой улов, и как раз на меня, подумала я. Спросив разрешения взять вещи, я покинула заветный кабинет. Грузная женщина напоследок сказала мне: «Приходи во вторник, вдруг появиться куртка». Куртку я нашла только спустя месяц, но все-таки нашла, я до сих пор благодарна неизвестному мне человеку, который отнес ее туда. Служила мне куртка верой и правдой несколько лет.

Прошла зима, наступила весна, потом было долгожданное лето, а затем снова осень. Вот уже как год меня бросила мама, не было никаких известий от нее. Моя жизнь была переменчивой словно шанжановая<sup>1</sup> ткань. В ноябре, возвращаясь со школы, и как обычно торопясь на свою работу, я обнаружила, вотканную в дверь бумажку. Мое сердце учащенно забилося, я была уверена, что записка вновь от мамы, от кого же еще она могла быть. Но как же глубоко было мое разочарование, когда развернув листок, я увидела на нем печать нашего ТСЖ. В уведомлении говорилось, что за неуплату счетов за электричество, нам отключат свет. Так вскоре и случилось, уроки я делала при тусклом свете свечи. Теперь деньги приходилось тратить и на них.

Так прошел еще год. Я перешла в девятый класс, пора было думать над своим будущим образованием. Вариант оставаться в школе сразу отпадал, у меня не складывались отношения с одноклассниками, с взрослением они стали еще грубее и жестче, все нахальнее и эгоистичнее. То же самое происходило и с учителями, они часто срывались на меня, то ли видя во мне безобидного козла отпущения, то ли мстя за не сданные деньги им на подарки. Честно говоря,

<sup>1</sup> Шанжановая (от слова шанжан) – двулиственный цвет, переливающийся из одного в другой; ткань, имеющая свойства переливаться разными цветами.

я не знала, кем хочу быть в свои пятнадцать лет, кем вижу себя во взрослой жизни. Пойдя другим путем, я решила посмотреть какие училища, и колледжи есть недалеко от дома, на расстоянии, куда можно дойти пешком. В округе оказалось только два учебных заведения, куда можно было поступить после девятого класса: это автотранспортное училище и медицинский колледж. Терзать себя в муках выбора не пришлось. Летом подала документы. Я решила, если не поступлю на бюджетную форму обучения, то останусь в школе, через год попробую снова. Моему удивлению не было предела, когда в списках абитуриентов я увидела свою фамилию, чуть ли не в первых рядах по всем трем направлениям: акушерское дело, лечебное дело (фельдшер) и сестринское дело. Теперь нужно выбрать что-то одно: принимать роды я не очень-то хотела, этот процесс казался мне очень трудным и чрезмерно ответственным, быть фельдшером и разъезжать по ночам на машине скорой помощи тоже, оставалось только сестринское дело, на этом я и остановилась. К моему заработку промоутера вскоре прибавилась и стипендия, в размере полторы тысячи рублей, но при условии если все экзамены сданы на отлично, если же вдруг на экзамене ставили четверку, то стипендия сокращалась в двое, таким образом, у меня был колоссальный стимул к стремлению к знаниям.

Наступил новый учебный год теперь уже не в школе, а в колледже. Группа состояла из пятнадцати человек, к моему удивлению в ней оказались и мальчики, до этого момента я думала, что медсестер учатся только девочки. Мальчики не чем не отличались от бывших моих одноклассников такие же нахальные, самоуверенные, один из них видно было, что из очень обеспеченной семьи быстро собрал около себя компанию. Его мать была заведующей одной из московских больниц, и предоставляла нашему коллегу места, для прохождения практики, так что ему всегда все шло с рук. Он больше всех надо мной шутил, говорил непристойности, по его словам, я его сильно раздражала.

Подружиться с кем-то из девочек в колледже, как и в школе, мне тоже не удалось. Мои мысли были заняты проблемами серьезнее их, работой и учебой. В силу того, что я была бедна как церковная мышь, так же и выглядела, как мышь. Я стеснялась саму себя, мне было ужасно стыдно за свою поношенную одежду. Весь мой гардероб состоял из нескольких вещей: черные брюки, которые я одевала и в жару и в холод, были все в затяжках, коленки растянуты, носила я белую блузку с длинным рукавом, но от частых стирок она утратила всякий вид, летом в жару я одевала некогда синий, но уже выцветший сарафан в белый горох, а зимой и когда было прохладно два джемпера: один серый с горлом, а другой коричневый с вырезом, оба растянутые донельзя. Колготки были одни все зашитые, перешитые. Я была самой слабой, беззащитной, не способной ответить на грубость в нашей группе, поэтому стала объектом для травли одноклассников, как девочек, так и мальчиков. От частых переживаний мое лицо было бледным, изможденным, телосложение так и осталось худым, костлявым, ключицы не красиво выпирали из-под одежды.

Одноклассники любили игнорировать, делали это церемонно, со мной за партой никто никогда не садился, при парных заданиях на практических работах, я тоже была одна. Никто не просил у меня списать, никогда не о чем не спрашивали. Девочки нашей группы, изо дня в день, старались, перещеголять друг друга в одежде, и в макияже, громко разговаривали о магазинах, кто в каком одевается, какие новые коллекции появились. Хвастались сколько у кого туфлей, сколько пар кроссовок. Названия таких магазинов я никогда не слышала, в торговые центры я не заходила никогда, мне было некогда, да и зачем... душу травить, все равно никогда не смогу позволить себе купить там хоть бы одну кофточку. Я старалась не слушать их разговоры, но они говорили очень шумно, и трудно было абстрагироваться от них. Да и они со своей стороны не особо тяготели ко мне, я была ни чем не примечательна для них, все деньги уходило на еду, на самые элементарные средства гигиены и на письменные принадлежности. Кроме этого, нужно было хотя бы по немного собирать деньги, чтобы погасить долг за электроэнергию, росли долги и за другие коммунальные услуги. Почтовый ящик с каждым месяцем

был все больше и больше завален письмами с угрозами от коммунальных служб. Я боялась, что нас с отцом могут выселить из комнаты в общежитии. Простояв несколько зим, и раздавая листовки на улице, я жутко замерзала, и длительное время дома не могла отогреться после очередной четырехчасовой смены на работе. Помимо этого большое количество времени из-за значительных расстояний занимало передвижение от дома до учебы, от учебы до работы. Каждый день я парила ноги в тазу с горечей водой, иначе по-другому они не согревались.

Однажды я подхватила грипп, который повлек за собой все возможные осложнения. Процесс выздоровления длился очень долго, около месяца я провела дома, почти не вставая с постели, слабость сваливала меня с ног. Большая часть денег, бережно сэкономленных и оставленных на погашение долга, были потрачены на лекарства и еду. Помимо гриппа, зимой от мороза на моих руках образовались трещинки, которые болели и кровоточили. Нужно было, срочно менять работу близился октябрь с его проливными холодными дождями. Но куда могли меня взять, учеба в колледже занимала большую часть дня. Я решила, походить по ближайшим к дому офисам, магазинам, конторам и прочим заведениям, спросить про работу. Заходила буквально в каждую дверь, предлагала свои услуги, в качестве помощницы или уборщицы. Итог был неутешительный, нужна была либо санитарная книжка, оформление которой стоило немалых денег, либо предлагали занятость на полный рабочий день, либо вовсе прогоняли прочь. Потратив на поиски неделю, я уже подумывала вернуться к раздаче листовок, заработанные ранее деньги таяли на глазах.

Я вспомнила о тетке, по отцовской линии, она работала санитаркой в больнице, решила обратиться к ней за помощью, может быть устроит меня к себе. Придя к ней в гости, дома ни кого не оказалось, дверь никто не открывал, я решила подождать. Прошло около двух часов, как на площадке появилась тетя Зина – женщина около пятидесяти лет, она воспитывала одна троих сыновей, один из которых был инвалид, двое других были заняты не понятно чем. Она была полной, всегда оскаливала свои большие лошадиные зубы, смотрела недоброжелательно и высокомерно. Узнав меня и подойдя поближе, у нас возник следующий разговор:

– Ну, чего пришла? – спросила она, вынимая из большой хозяйственной сумки ключи.

– Мне очень нужна работа, помогите, пожалуйста. Я знаю, вы работаете в больнице, может быть там и для меня найдется какая-нибудь работа.

– Ноги раздвигать не пробовала? Говорят, что неплохо этим можно заработать, – рявкнула она и усмехнулась, обнажив зубы.

Я покраснела.

– Мне очень нужна работа, помогите, – опутив голову, еле слышно промолвила я.

– Ладно, у нас как раз Валька уволилась, думала, что два участка потяну, оказалось тяжело. Так уж и быть попробую уговорить нашего начальника.

– Спасибо, – оживленно сказала я.

– Ну, спасибо в карман не положишь, с первой зарплаты мне пять тысяч рублей отдашь, если устрою тебя. Завтра поговорю с директором, приходи в четверг в это же время, скажу тебе, что да как.

Поблагодарив ее еще раз, отправилась домой. Хоть бы все получилось, думала в надежде я.

## Он

Сегодня был плодотворный, но тяжелый день. Утром провел три сложных операции: операцию по удалению матки при злокачественной опухоли, миомэктомию и операцию по удалению яичника. Каждый день было по три-четыре операции, во второй половине дня меня ждала не менее сложная работа, нужно было контролировать работу всей клиники. Закончив прочие административные дела в своем кабинете, я стал собираться домой. Было уже достаточно

поздно, за окном, который день шли по-осеннему холодные проливные дожди, было грязно, сумрачно. Улицы мокро и черно блестели.

В коридоре ярко светили люминесцентные лампы, было тихо и безлюдно, посмотрев на часы, я удивился, стрелки показывали всего девятый час, а казалось, что время перевалило далеко за полночь. Стоя у лифта, ко мне подошла санитарка – Зинаида Павловна, работавшая кажется со дня открытия клиники, а ведь прошло почти 12 лет с того момента.

– Сергей Борисович, добрый вечер, голубчик, – произнесла она слащавым голосом.

– Добрый вечер, Зинаида Павловна, – поздоровался я.

Прошло несколько безмолвных секунд.

– Вы что-то хотели спросить? – видя ее замешательство, задал ей вопрос.

– Дело у меня к вам, – затараторила она. Племянница есть у меня, Нюрка, к нам в санитарки хочет, подсобите, будьте добры, Сергей Борисович, – запричитала она. Десять лет у вас тружусь, мою, скоблю на совет, не то, что другие – тряпками лишь махают...

– Хорошо-хорошо, я понял – прервал ее. – Привадите завтра вашу Нюрку, придумаем что-нибудь.

– Спасибо дорогой вы наш, спасибо огромное, – выпалила она.

Кивнув и пожелав всего доброго на прощание, я скрылся за тяжелыми металлическими дверьми лифта.

## **Она**

В четверг, после занятий, я поспешила к тетке, не терпелось узнать: сможет ли она меня устроить к себе. Когда я пришла, она была уже дома, ждать, как в прошлый раз мне не пришлось. Тянуть с ответом она не стала, сказала, что начальник дал добро и можно приходить. На следующий день, в назначенное время я явилась по указанному адресу. Больница находилась в тридцати пяти минутах от моего дома, если идти пешком, ехать на автобусе, мне даже не приходило в голову, нужно было экономить, денег почти уже не оставалось. Главное здание больницы состояло из восьми этажей и отличилось от всех остальных, которые я видела прежде. Красивое, стильное, с серебристым зеркальным фасадом и темными окнами. Перед входом был разбит небольшой сквер, очень аккуратный с ухоженными деревьями. Несмотря на то, что был конец октября, здесь все еще был ярко-зеленый газон. Деревья и кусты были стрижены в виде кубов, с острыми гранями. Помимо основного здания было еще несколько корпусов поменьше, территория больницы была внушительная. Около центрального входа висела табличка:

*Клиника акушерства, гинекологии и перинатологии*

Зайдя внутрь здания, я сразу же увидела тетку.

– Ну, сколько можно тебя ждать, дел как будто у меня больше нет, – проворчала она.

На лифте мы поднялись на восьмой этаж. Как выглядел первый этаж, рассмотреть мне удалось совсем немного, чем хотелось бы. Я успела заметить лишь мраморную стойку ресепшена, белые кожаные кресла для посетителей, глянецовый пол и зелень расставленных повсеместно фикусов. В лифте я расстегнула куртку и сняла шапку, чтобы хоть чем-то занять руки, которые теребили все подряд. Лифт остановился на восьмом этаже, здесь располагалась администрация больницы, мы пошли по длинному коридору, который был устлан ковролином: бухгалтерия, отдел экономики и финансов, юрист, отдел кадров, главный врач, организационно-аналитический отдел, актовый зал – читала я надписи на табличках. В самом конце коридора находилась двухстворчатая дверь, рядом с ней табличка:

*Руководитель  
Туманский Сергей Борисович*

Тетя Зина постучала и, не дождавшись ответа, вошла внутрь. Напротив, за столом сидела приятная, ухоженная женщина, лет тридцати с небольшим, в белоснежной блузке с черным кантом вдоль пуговиц.

– Вы записаны на прием к Сергею Борисовичу? – спросила она.

– Нет, – ответила тетя Зина, и добавила, – мы вчера с ним устно договорились о встрече.

– Хорошо, сейчас спрошу, не занят ли он.

Встав из-за стола, она тот час удалилась за другую дверь, находившуюся в этом же кабинете. Не прошло и секунды, как она сказала, что можете проходить.

Войдя внутрь святая святых, первым делом я увидела большой кожаный диван, с двумя массивными креслами, по периметру кабинета стоял шкаф с тяжелыми полновесными томами книг и красивыми не тронутыми бутылками коньяка. Между диваном и креслами стоял небольшой стеклянный столик.

– Вот, Сергей Борисович, Нюрку вам привела, как и обещала вчера – сказала тетка.

Я, оправившись от впечатлений от убранства кабинета, быстро перевела взгляд на человека, который сидел за большим письменным столом, на большом кожаном стуле на колесиках, в это комнате все казалось каким-то большим и добротным. Он был в очках в черной оправе, в деловом темно-синем костюме, и белой рубашке. На сорочке были расстегнуты несколько верхних пуговиц, и узел галстука немного съехал. На вид ему было около пятидесяти лет, темные волосы, с небольшой сединой на висках, глаза казались темно-синими. Телосложения он был крепкого, высокий ростом. Он встал, поправляя галстук, снял очки и подошел к нам. Я незамедлительно опустила глаза, и уставилась на его туфли, руки нервно теребили шапку.

– Здравствуйте, Зинаида Павловна, – произнес он. Через пару секунд добавил.

– Это же совсем ребенок.

Я чувствовала, как холодеют мои руки, а к щекам приливает кровь.

– Так уж 16 лет, Сергей Борисович, здоровая девка совсем, пахать можно...

Прошла еще пара секунд, он видимо о чем-то думал.

– Хорошо, пойдемте – наконец-то произнес он.

Мы вышли из приемной, и пошли обратно по тому же коридору, остановились возле кабинета отдела кадров. Он зашел внутрь первым, потом зашли мы с тетей Зиной.

– Добрый день, девочки, – сказал он.

В ответ послышалось хлопанье ящиков, и быстрое шуршание пакетов. Они тщетно пытались спрятать следы своего внеурочного чаепития. Но он сделал вид, как будто ничего не заметил. В кабинете стояло несколько столов с компьютерами, за ними сидели женщины. Он подошел к одному из них.

– Любовь Николаевна, – произнес он. Нужно девочку устроить к нам, в хозчасть.

– Санитаркой? – спросила женщина.

– Да. Только ей 18 нет, по Трудовому кодексу посмотрите, пожалуйста, сколько часов полагается не превышать.

– Хорошо, Сергей Борисович, пускай присаживается.

Так я получила свою вторую работу. В воскресенье я работала полную смену, которая длилась восемь часов, зато в остальные дни по пять часов: с шестнадцати до двадцати одного часа, субботу выбрала выходным днем. Зарплату за неполные смены мне пообещали семнадцать тысяч рублей, в то время как санитарки, работающие полный рабочий день получали по двадцать четыре тысячи. Но все равно деньги для меня были огромные. Работая промоутером, в месяц без выходных, в лучшем случае у меня выходило десять тысяч рублей. Но я стояла то на холоде, то на пронизывающем ветру, то на адском солнцепеке, то под проливным

дождем. Без возможности сходить в туалет, мне казалось, что мой мочевой пузырь уже растянулся до невероятных размеров. А в больнице тепло, сухо и можно ходить в уборную, когда захочется. Территорией моей работы был первый этаж, около главного входа в первый корпус. Как объяснила Валентина Михайловна, заведующая – по хозяйственной части, участок, который предстояло мне убирать был важным, именно с него начиналось представление пациентов о нашей клинике. Она пояснила, что это не просто больница, а частная клиника, контингент, который здесь лечится не простой, люди достаточно обеспеченные, либо достатка выше среднего. Хоть это и не была обычная больница, пахло в ней точно также как и во всех казенных медицинских учреждениях: медикаментами и фенолом, которым проводят дезинфекцию. Лекарственные препараты выделяются из человека через легкие с выдыхаемым им углекислым газом, через кожные поры и потовые железы, со слюной, слезой, с мочой и калом. В мои обязанности входило: мытье полов, стен, протирание поверхностей, помимо этого мне предстояло также ухаживать за растениями, которые здесь находились: высокие фикусы, драцены, и несколько других, названия которых я не знала. Также мне полагалось обеспечивать чистоту и в туалетной комнате. Мне выдали два сахарно-белых халата, моего размера, один на смену, одну пару белых резиновых тапочек чем-то напоминающих галоши и несколько штук перчаток. А также средства и предметы моего труда: тележку, в которую полагалось ставить ведро с водой, швабру, тряпки и чистящие средства

Время за уборкой летело быстро, не то, что когда я раздавала листовки, там минута тянулась целую вечность, а здесь нужно было успеть, все помыть за свою укороченную смену. Работа мне нравилась, легко было поддерживать чистоту в таком красивом и опрятном месте, даже туалетная комната была в сотни раз чище, чем в общежитии. Унитазы и биде сверкали белизной, кафель на полу и стенах блестел, так что в нем можно было увидеть собственное отражение, смесители отражали холодный металлический блеск. Иногда я задерживалась чуть подольше, хотела убрать все на совесть, чтобы не было нареканий со стороны Валентины Михайловны. Но был и один минус моей новой работы. Работая, промоутером мне платили деньги каждый день, а здесь зарплату выдавали два раза в месяц: аванс пятнадцатого числа и тридцатого числа зарплата, а было только начало месяца. К тому же, как мы и договорились с тетей Зиной, я должна была заплатить ей пять тысяч рублей за то, что она меня устроила сюда. А это как раз был почти весь аванс. Голодать как раньше, я не хотела. Тут же вспомнила, как поступала, когда училась еще в школе, собирала обеды в столовой. И тут тоже должна быть столовая. На следующий день, я пришла пораньше начала своей смены, и решила немного побродить по клинике, поискать столовую. Столовая оказалась на первом этаже только в другом крыле, туда, куда я никогда не заходила. Сдвинутых столов с грудой посуды я не обнаружила, за то был металлический стеллаж, куда ставили тарелки с недоеденным. Подумала, что нужно спросить разрешение у кого-нибудь из персонала столовой. Я заметила женщину, убравшую столы:

– Извините... можно я возьму отсюда чуть-чуть... – робко спросила я, указывая на стеллаж с грязными тарелками.

– Бери, – коротко ответила она и пожала плечами.

И я набрала себе целую тарелку всякого и сырников, и котлет, был даже целые ломтики сыра и хлеба. Ела я снова по одному разу в день, в субботу, когда у меня был выходной, я накладывала себе в пакетик еды и брала его домой. В отличие от школьной столовой, готовили здесь на редкость очень вкусно, и можно было найти даже что-то не надкусанное. Прошло две недели и нам наконец-то выдали аванс. Пять тысяч рублей, как и договорились, я отдала тетке. У меня осталась сумма в количестве одной тысячи восьмисот рублей. Поразмыслив, я решила не тратить эти деньги, а погасить хоть малую толику долга за электричество, который к этому моменту возрос до немыслимой для меня суммы, я была должна только лишь за одно электричество порядка двадцати трех тысяч рублей. Были долги и за саму комнату, и за газ,

и за воду. Верхняя одежда, которую я носила еще со школы, превратились в жалкое подобие, как бы аккуратно я ее не носила, сапоги, и ботинки были переклеены по сотни раз, ноги у меня были постоянно мокрые. Шапка, шарф и варежки выглядели так, как будто их драли собаки. Деньги были нужны на многое, поэтому я решила не тратить их на еду, а продолжить питаться обедками и дальше. Одно радовало, что через два месяца, если погашу долг, нам вернут свет, и мне больше не придется тратить деньги на свечи. Так я питалась еще неделю, пока не случилось следующее.

## Он

Проходя мимо столовой, я услышал громкую ругань, похоже, что это была Валентина Михайловна, заведующая хозяйственным отделением. Так оно и оказалось. Ор был слышен чуть ли не на всем первом этаже. Я немедленно решил выяснить, в чем дело, пока она не распугала пациентов, зайдя в столовую, я увидел собственно Валентину Михайловну, которая активно жестикулируя истошно с пеной у рта, кричала на Аню, нашу новую санитарку, стоявшую около стены.

Не доходя до них, чтобы хоть как-то унять взбесившуюся женщину. Я спросил:

– Что случилось, Валентина Михайловна? Почему вы так кричите?

– Ааа... Сергей Борисович, поглядите, как новенькая то позорит нашу клинику! – сказала она, не понижая тона голоса.

Не успев, спросить «Чем же она позорит...», как услышал звон разбившейся тарелки, которую Аня до этого держала в руках. Я перевел взгляд на ребенка, по-другому назвать эту хрупкую девушку у меня не получалось, она начала медленно сползать по стене, но я успел ее подхватить. У нее случился обморок. Взяв ее обмякшее, непослушное тельце, я усадил на стул, а сам сел рядом. На звук, разбившейся посуды прибежали: повар, официантки, и прочие работники кухни. Я попросил принести нашатырный спирт, воду с сахаром и позвать кого-нибудь из медсестер, а Валентину Михайловну удалиться, пообещав с ней поговорить позже. Аню я стал, придерживая одной рукой за талию; чтобы голова не запрокинулась, положил ее себе на плечо. Она все еще не приходила в себя. Принесли воду, нашатырный спирт и вату, намотав тампон в растворе аммиака, поднес его к ее носу, от резкого запаха она дернула головой и положила обратно ее мне на плечо. Я смазал ей висок нашатырным спиртом, и поднес вату еще раз к ноздрям. От этого она попыталась спрятать нос за мою шею. Подвинув ее, я поднес к Аниным губам стакан со сладкой водой, помогая ей держать его; она начала потихоньку пить. На лице появился первый румянец. Пришла медсестра, измерила ей давление, оно оказалось сильно пониженным, я попросил принести и ввести ей инъекцию кордиамина. Тем временем, Аня, видя, что собралось много народу, начала тихонько плакать, не было ни всхлипов, ни рыданий, слезы тихо и смирно капали из ее глаз. Взяв ее голову, я положил ее обратно себе на плечо, ладонью другой руки начал гладить волосы, которые были собраны в хвост.

Я попросил всех разойтись. Вдруг повар сказал:

– Мы ей разрешали, все равно выкидываем на помойку. Ничего против не имели. А Валентина Михайловна пришла начала на нее орать.

– Что собственно произошло? – спросил я.

Кивнув головой в сторону Ани, она ответила:

– Она приходила в столовую, всегда спрашивала разрешение, можно ли взять со стеллажа недоеденное. Мы ей разрешали. А сегодня как она это делает, увидела Валентина Михайловна и начала на нее кричать, видимо со страху девчонка и повалилась в обморок.

– Хорошо, я разберусь, возвращайтесь к своим обязанностям, – сказал я.

Пришла медсестра принесла шприц, раствор кордиамина для инъекции, и жгут. Я помог закатать рукав халата и кофты. После поблагодарив медсестру, стал держать ватку на месте укола.

– Как ты себя чувствуешь? – спросил я.

– Уже лучше, – ответила она, понимая голову с моего плеча.

– Посиди здесь, я сейчас приду, – попросил ее. А сам встал, убедившись, что она сидит ровно и не падает, подошел к рядам мармитов. Здесь по принципу шведского стола, можно было выбрать салат, первое, второе, десерт, фрукты и напитки. Взяв два подноса, я попросил для себя порцию салата из огурцов и помидор. Есть мне не хотелось, но нужно было составить компанию Ани.

– Сергей Борисович, запеканку творожную будите, как в детском садике вкусная, – спросила меня Ольга Николаевна, повар нашей столовой.

Я согласился. Для Ани заказал полноценный обед, который состоял из салата, раскольника, риса с курицей и овощами, вместо запеканки, я попросил ей сдобную булочку с изюмом, будет калорийнее, подумал я.

Аня, сидела, потупив взгляд, глаза все еще были полны слез, руки теребили край халата. Я аккуратно поставил перед ней поднос с обедом, сам сел на свое прежнее место.

– Анечка, тебе нужно покушать, как следует, давай ешь и не стесняйся. С Валентиной Михайловной я обязательно поговорю, она была не права.

Видя, что она все еще находится в оцепенение и не притрагивается к еде, я решил немного поговорить с ней.

– Аня, я понимаю, что в жизни все бывает. Я взрослый мужчина, который видел многое. Не от хорошей же жизни ты в свои шестнадцать лет пришла работать санитаркой. Я искренне хочу тебе помочь, мне нужны здоровые и сильные работники, ценнее, чем мои сотрудники для меня ничего нет. И потом ты еще совсем ребенок, я должен быть в ответе за тебя. Я скажу поварам, и ты можешь приходить сюда, когда захочешь, но подходить не к тому стеллажу, а вон туда – сказал я, показав на мармиты. Можешь брать все что захочешь, а счет будут записывать на мое имя. А если узнаю, что ты сюда не приходишь и полноценно не ешь, то сделаю тебе выговор с занесением в личное дело. Сегодня отдохнешь, я попрошу, чтобы твою смену отдали кому-нибудь другому. Хорошо? – спросил я ее.

В ответ она лишь кивнула головой.

## **Она**

Такого стыда я еще никогда не ощущала в своей жизни, меня застучала Валентина Михайловна, я разбила тарелку, так еще Сергей Борисович видел все это. Какой позор, думала я. Если бы знала заранее, что так будет, то лучше бы умерла от голода. После случившегося, чтобы хоть как то меня поддержать, Сергей Борисович, предложил мне провести экскурсию по клиники, я сразу же согласилась, ведь кроме первого этажа я больше ничего здесь не видела, учась, третий месяц в медицинском колледже, интерес к этой науки начал понемногу возрастать. Да и просто хотелось провести еще время с Сергеем Борисовичем, он оказался вопреки моим представлениям, внимательным и совсем не злым человеком. За час, что он провел со мной в столовой, я получила столько внимания, заботы и участия, сколько не получала за всю свою жизнь от отца и матери. Со мной никто еще не разговаривал так искренне и таким спокойным тоном, в школе учителя беспричинно кричали, в колледже преподаватели тоже любили поехидничать, в детстве мама при любом удобном моменте срывалась на меня, тетя Зина разговаривала со мной высокомерно и как будто боялась заразиться от меня чем-то. Отойти после такого позора я не могла еще долгое время. Сергей Борисович сказал, что нужно надеть куртку, придется выйти на улицу. Так как он был уже в пальто, видимо до инцидента

в столовой, собирался идти по делам. Мы вместе пошли в хозчасть за моей верхней одеждой. Пока я одевалась, в другой части кабинета он разговаривал с Валентиной Михайловной. По доносившимся обрывкам диалога, я поняла, что речь шла обо мне.

До произошедшего в столовой Сергея Борисовича я видела всего несколько раз: первый раз, когда с тетей Зиной были у него в кабинете, тогда я могла рассмотреть только его туфли, последующие разы видела его мельком, когда он уходил домой поздними вечерами, а я убиралась в холле. Он всегда прощался со мной вежливо, говорил: «Всего доброго, Анечка» или «Анюта, до свидания». Сейчас же на улице смогла рассмотреть его лучше. Ростом он был выше среднего, приятного телосложения – и не худой и не полный, с крепкими плечами. Волосы были темно-коричневые, с едва заметной сединой на висках, тогда в кабинете его глаза показались мне синими, но сейчас они были темно-серого цвета, точно такие же, как у меня. Лицо его имело правильные черты, но было в тоже время строгим, серьезным и вместе с тем усталым. Одет он был в черное драповое пальто, длиной чуть выше колен, в черные брюки, в светло-серый твидовый пиджак и темную рубашку. Выглядел он дорого и солидно, как и подобает руководителю. На его фоне я казалась замарашкой, стыдилась своей куртки, стоптанных ботинок, да всего, что было надето на мне.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.